

Н.В. Сушков

**Московский университетский Благородный
Пансион и воспитанники Московского
Университета, гимназий его,
университетского Благородного Пансиона и
Дружеского Общества**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Сушков**
Московский университетский Благородный Пансион и воспитанники Московского Университета, гимназий его, университетского Благородного Пансиона и Дружеского Общества / Н.В. Сушков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 234 с.

ISBN 978-5-518-09375-1

ISBN 978-5-518-09375-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Источники «Воспоминаній о Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ»—прежнее заглавіе предлагаемой читателямъ книги — указаны въ предисловіи къ первому ихъ изданію (Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ) въ 1848 году.

Въ теченіи десяти лѣтъ я добылъ много новыхъ данныхъ и любопытныхъ свѣдѣній, къ пополненію моихъ воспоминаній, какъ изъ рассказовъ университетскихъ и пансіонскихъ воспитанниковъ разныхъ временъ, такъ изъ нѣсколькихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ и изъ нѣкоторыхъ, прежде и послѣ появившихся, книгъ по тѣмъ или другимъ отраслямъ знанія, литературы и т. д. Встрѣчая въ нихъ то знакомое имя, то родное нашему Пансіону, Дружескому обществу, Университету или его гимназіямъ лице, то биографическую черту одного, анекдотъ о другомъ, намекъ на третьяго и т. д., я отмѣчалъ все это въ моихъ памятныхъ запискахъ, свѣрялъ, сличалъ, иное отвергалъ, иное признавалъ — и теперь самъ ужъ не легко могу указать на всѣ тѣ книги, журналы, листки и проч., изъ которыхъ я собиралъ, такъ сказать, по капелькамъ мои источники. Укажу однако на главнѣйшіе: 1. Исторія Московскаго Университета и нѣкоторые изъ источниковъ, которыми пользовался, при ея составленіи, С. П. Шевыревъ; 2. Биографическій словарь университетскихъ профессоровъ и преподавателей; 3. Статья П. И. Страхова объ академической гимназій; 4. Статья П. Ѳ. Тимковскаго объ Университетѣ, гимназій и Пансіонѣ; 5. Словари: а) «о Россійскихъ писателяхъ», б) «драматическій», в) «сочиненій и переводовъ на славянскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографіи до 1813 года», г), «духовныхъ и свѣтскихъ писателей», д) «достопамятныхъ людей Русской земли»—изданія Н. И. Новикова, неизвѣстнаго, книгопродавца В. Сопикова, митрополита Евгенія, П. М. Снегирева, «Москвитянина» (М. П. Погодина) Ширяева и Д. Н. Бантышъ-Каменскаго; 6) Роспись книгамъ Смирдина и Библиотека Плавильщикова; 7) Торжественные акты тѣхъ или другихъ лѣтъ съ годовыми отчетами Университетскаго Пансіона; 8. Изданія пансіонеровъ: «Распускающійся цвѣтокъ», «Полезное упражненіе юношества», «Въ удовольствіе и пользу», «Избранныя сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ» и прочія; 9. Труды Общества любителей Россійской словесности; 10. Вообще литературная, ученая, служебная, духовная и художественная дѣятельность воспитанниковъ Уни-

верситета, его гимназій и Пансіона; наконецъ II. Запасы моей памяти и мои записки, изъ которыхъ все, что пришлось встать, я перенесъ въ настоящее изданіе. Да оно въ сущности и не отдѣльный трудъ, а часть моихъ записокъ, также какъ и другія статьи, изъ нихъ на выдержку напечатанныя въ Сборникѣ «Раутъ»: о Храповицкихъ, о литературныхъ дѣтеляхъ высокаго и малаго полета («Обозъ къ потомству»), о житьѣ-бытьѣ нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ («Картины русскаго быта въ старину»). Самый строй моихъ разсказовъ достаточно показываетъ, что это не ученое, систематическое сочиненіе, а именно и просто-на-просто записки.

Указавъ на главнѣйшіе изъ источниковъ, которыми я пользовался при второмъ изданіи по-сильной дани признательности моей Пансіону и Университету, хотя и въ самомъ изложеніи я ссылаюсь бѣльшею частію, какъ на нихъ, такъ и на другіе, случившіеся у меня подъ рукою, приведу еще два живыхъ источника: Н. М. Снегирева, пояснившаго мнѣ многое о давнемъ времени, о преданіяхъ, о нѣкоторыхъ лицахъ, и Н. П. Давыдова, сдѣлавшаго на мою книжку, при первомъ изданіи ея, нѣсколько замѣчаній.

Н. Сушковъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, дѣтскихъ лѣтъ товарищи, родные —
По воспитанію въ Москвѣ родной!
Вамъ, члены дружные семьи молодой!
Вамъ, граждане, во времена были
Стекавшимся со всѣхъ сторонъ къ стѣнамъ
Обители и доблести и знанья!
— Ея врата открыты были намъ,
Послушникамъ науки!... братья! вамъ
Я приношу души воспоминанья
О свѣтлыхъ дняхъ, о милой той порѣ,
Когда, въ тиши пріюта благотворной,
На счастливой грядущихъ дней зарѣ,
Мы слушали до вѣрчиво-покорно
Уроки кроткіе любви! когда,
Сподвигшими прекраснаго труда
Къ развитію ума и сердца, зрѣли
Въ насъ мудрости благія сѣмена —
И дружно мы — душа любви полна
Къ отечеству — стремились дружно къ цѣли
Ему въ себѣ пріуготовить слугъ!
Все: чувство, мысль, занятіе, досугъ,
Все — въ даръ ему!... На Бога въ упованъ,
Съ младенческой молитвой, въ простотѣ,
Мы вѣровали въ свое призванье! ..

VIII

Мы вѣрили плѣнительной мечтѣ,
Что принесемъ мы на алтарь отчизны
Полезныя и добрыя дѣла —
На славу ей! что жизнь безъ укоризны —
Въ трудахъ и подвигахъ — пройдетъ свѣтла!..
И *Онъ* — нашъ другъ — наставникъ благодушный!
Онъ вѣрилъ намъ, благословляя насъ
Въ торжественный съ дѣтьми разлуки часъ,
Что чистыя — его любви послушны —
Потомству мы оставимъ имена!
И нѣтъ его!.. и живъ онъ, мужъ призванья!
Живъ! не умрутъ о немъ воспоминанья!
Вся жизнь его была посвящена
Отеческимъ заботамъ воспитанья!..
Подъ тяжестью преклонныхъ лѣтъ поникъ!
Но духомъ бодръ, но вѣрою великъ,
Почилъ — напутствованъ Христовой кровью,
Молитвами признательныхъ людей!..
Сопутствуйте жь, друзья, ему любовью!
Родительски любилъ онъ насъ—дѣтей.

13 июля,
1848.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(При первомъ изданіи)

Три—четыре года назадъ, видансь часто съ покойнымъ А. А. П.—Антонскимъ, который любилъ вспоминать о *своемъ* Пансіонѣ и охотно рассказывалъ о старинѣ, вздумалось мнѣ воспользоваться живою лѣтописью — воспоминаніями дряхлѣвшаго старца. Я сталъ записывать все слышанное мною отъ него въ бесѣдахъ нашихъ—«преданья старины глубокой.» Мало по малу я уловилъ много любопытныхъ подробностей о первоначальномъ учрежденіи Московскаго Университета и Благороднаго при немъ Пансіона, о степени образованія тогда въ Россіи, о ревнителяхъ просвѣщенія въ ней со временъ императрицы Елисаветы, о Дружескомъ или Филантропическомъ обществѣ въ Москвѣ, подвигшемъ впередъ общественное у насъ воспитаніе и содѣйствовавшемъ развитію самаго Университета. Потомъ Антонъ Антоновичъ сообщалъ мнѣ по временамъ свои отмѣтки о преподававшихъ учебные въ Б. Пансіонѣ предметы профессорахъ и учителяхъ, о помощникахъ своихъ и надзирателяхъ въ немъ, о лучшихъ его воспитанникахъ, о книгахъ, для нихъ изданныхъ, о книгахъ, ими самими изданныхъ, и т. д. Между тѣмъ онъ осуждалъ меня нѣкоторыми изъ этихъ книгъ и торжественныхъ актовъ Б. Пансіона, поясняя и дополняя иное въ нихъ своими рассказами. Наконецъ, недѣль за семь до кончины своей, отдалъ мнѣ и списокъ съ аттестата о своей службѣ. Все это я читалъ и перечитывалъ, а все какъ-то не принимался за дѣло. Правда, многихъ свѣдѣній еще у меня и не было—и если бы не И. М. Снегиревъ, который доставилъ мнѣ разныя *бытны* (факты), печатныя и письменныя, къ разрѣшенію возникавшихъ недоразумѣній и особенно хронологическихъ вопросовъ, чуть ли бы и доселѣ нашелъ я возможность приступить къ бѣглому очерку исторіи Б. Пансіона.

Антонъ Антоновичъ занемогъ холериною. Мнѣ страшно стало, что не успѣю потѣшить старца отраднѣю сердцу его повѣстью о быломъ и не при немъ принесу дань признательности мѣсту моего воспитанія. 9-го іюня принялся я за работу. Опасная болѣзнь оставила его, и я читалъ ему, постепенно, написанное мною, поправляя, дополняя торопливый свой трудъ по замѣчаніямъ и новымъ разсказамъ его, предлагая ему нѣкоторые вопросы о томъ и другомъ— и на всѣ получалъ ясные отвѣты. Между тѣмъ я собралъ нѣкоторыя черты изъ его жизни, службы и трудовъ: эту статейку оставляю безъ всякой перемѣны — въ память того, что онъ самъ прослушалъ ее за два дни до своей смерти и дополнилъ свѣдѣніемъ о своемъ отцѣ, котораго кievскій митрополитъ Самуилъ наименовалъ *почетнымъ* протоіереемъ, т. е. независимымъ ни отъ благочиннаго, ни отъ консисторіи, а прямо и непосредственно подчиненнымъ одному митрополиту.

Собственно «Воспоминанія о М. У. Пансіонѣ» я долженъ былъ нѣсколько измѣнить: въ нихъ говорилось еще о покойномъ Антонѣ Антоновичѣ, какъ о живомъ; теперь *истинное* обратилось уже въ *прошедшее*.

Къ «Воспоминаніямъ» присоединены отдѣльныя приложения: 1) Нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ и трудахъ Антонскаго, которыя были помѣщены въ № 84 Московскихъ Вѣдомостей 1848 года, 13-го іюля; 2) Слово, произнесенное, при погребеніи усопшаго старца, проповѣдникомъ Митрофаномъ; 3) Нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ умершихъ воспитанниковъ М. У. Б. Пансіона и объ А. О. Мерзляковѣ; 4) Законы литературнаго въ Пансіонѣ собранія; 5) Списокъ воспитанниковъ, которыхъ имена золотыми буквами были выставлены на доскѣ въ залѣ торжественныхъ актовъ. Этимъ *золотымъ* спискомъ я обязанъ директору Московскаго дворянскаго института, А. И. Чивилеву; 6) Торжественный актъ въ М. У. Б. Пансіонѣ,—историческое представленіе.— Увлеченный любовью къ мѣсту воспитанія и незабвенному воспитателю столькихъ, обязанныхъ ему образованіемъ, лицъ, я прежде еще драматизировалъ одинъ изъ давнихъ актовъ, чтобъ показать въ живомъ дѣйствіи все въ нихъ назидательное: и любовь къ просвѣщенію, и благоговѣніе къ памяти ревнителей его: Шувалова, Мелиссино, Хераскова, и духъ того времени, и благородство чувствъ, и чистоту нравовъ, и всеобщее сочувствіе къ Б. Пансіону, и пламенную признательность дѣтей къ попечительнымъ о благѣ ихъ наставникамъ...

«Путеводная звѣзда—

Ваши намъ уроки!..

Милый пѣстунъ! мысль о немъ —

Наша сила: окуемъ
Страсти и пороки!...

Эти стихи въ концѣ драматизированнаго акта, худы ли, хороши ли они, изъ глубины души моей сказались въ честь путеводителю нашей юности.

6-го декабря 1846 г. онъ подарилъ мнѣ, въ именины мои, свой портретъ, писанный волевыми красками. Вотъ записка, при которой онъ прислалъ мнѣ его:

«По желанію в. п. съ удовольствіемъ посылаю свой обликъ. Онъ уже, отъ старости и дряхлости, не наряденъ, но съ душою, исполненной къ вамъ любви и уваженія.

Душевно преданный

А. Антопскій.»

6-го дек.

1846 г.

«Который же вамъ годъ?» спросилъ я его на другой день.—«Да считаютъ 86, или 7 лѣтъ—ужь не помню. Да и за чѣмъ это знать?..»—Онъ не любилъ говорить о своихъ лѣтахъ. Только въ последнее наше свиданіе, за два дня до своей смерти, къ чему-то сказалъ: «Вотъ все хотѣли-то праздновать мой юбилей—вотъ дождитесь-то 90 лѣтъ — тогда и празднуйте!..» Стало быть, ему или ужь было, или бы скоро минуло 90 лѣтъ.

Приведу и свой отвѣтъ на его записку, какъ выраженіе чувствъ всѣхъ, ему благодарныхъ воспитанниковъ Б. Пансіона:

«Не сумѣю выразить всѣхъ чувствъ радости и благодарности за драгоценный подарокъ в. п. Но вы поймете ихъ, или разгадаете, по неизмѣннымъ чувствамъ любви и почтенія къ вамъ вашего не лучшаго воспитанника. Вашъ портретъ останется навсегда отраднымъ для меня свидѣтельствомъ продолженія той отеческой нѣжности, съ которою—33 года назадъ—вы заботились о моемъ и всѣхъ вѣранныхъ вамъ образованіи. За то и сыновья признательность и любовь къ вамъ всѣхъ, бывшихъ подъ вашимъ руководствомъ, со времени Низова, перейдетъ къ потомству, какъ одно изъ благороднѣйшихъ преданій сердца въ жизни людей.»

ВОСПОМНЕНІЯ

0

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ

ВЛАГОРОДНОМЪ ПАНСИОНѢ

и

РАЗСКАЗЫ О ВОСПИТАННИКАХЪ

УНИВЕРСИТЕТА, ГИМНАЗІИ, ПАНСИОНА И ДРУЖЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

«Любы долготерпѣть, милосердствуетъ: любы не завидѣть: любы не превозносите, не гордите, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслить зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся любить, всему вѣру смѣть, вся уповасть, вся терпѣть».

1-е Посланіе А. Павла къ Коринѣ, гл. XIII.

Любовью рожденъ, любовью взлелѣянъ, любовью напоенъ этотъ разсадникъ столькихъ служителей отечества на всѣхъ поприщахъ науки и чести: любовь матушки-царицы къ просвѣщенію создала его, любовь родительская къ дѣтямъ населила его, любовь къ отчизнѣ попечителей юношества руководила его питомцевъ и наставниковъ

Когда, въ 1755 году, въ день св. мученицы Татіаны, 12-го января, по предположеніямъ ревнителя просвѣщенія, русскаго *Мецената*, знаменитаго въ лѣтописяхъ науки Шувалова, императрица Елисавета изъявила соизволеніе на учрежденіе Московскаго Университета, этого *святилища наукъ*, какъ говорилось тогда и до тридцатыхъ еще годовъ XIX столѣтія въ его торжественныхъ собраніяхъ.—Петрова Русь смутно еще понимала уроки своего преобразователя; немного еще было въ ней образованныхъ людей по новымъ требованіямъ времени: Ломоносовъ, Сумароковъ, Шуваловъ, Меллисино, Херасковъ, нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ ученыхъ и проповѣдниковъ, изъ полководцевъ и государственныхъ сановниковъ—отъ Великаго Петра и до Екатерины Великой — были счастливыми исключениями, прекрасными зародышами прекраснаго будущаго, свѣтлыми звѣздами на темномъ небѣ передъ утренней зарею; большинство народа всѣхъ сословій, кромѣ духовнаго, упорствовало еще въ старинныхъ начаткахъ ученья, придер-

живаясь домашняго, по лѣтливой привычкѣ, воспитанья при посредствѣ приходскихъ священниковъ или дьячковъ, иногда наемныхъ учителей изъ Нѣмцовъ и другихъ иностранцевъ — учителей-самозванцевъ, рѣдко изъ русскихъ семинаристовъ. Отцы и матери неохотно отпускали нѣжно-балованныхъ дѣтокъ своихъ *на чужбину*: изъ роднаго города или наслѣдственной деревни въ столицы, на чужія руки. Да и немного было въ нихъ учебныхъ заведеній: въ *Петербургѣ*— Академія наукъ и два кадетскихъ корпуса: «Сухопутный шляхетной» и «Морской», въ началѣ названный Морскою академіей, которая образовалась изъ *Навигаторской школы*, устроенной Петромъ Великимъ на Сухаревой башнѣ; въ *Москвѣ* — домашняя гимназія Глюка, прославшаго, но едвали бывшаго воспитателемъ императрицы Екатерины I, частныя для дѣтей училища, на примѣръ: пансіонъ Литкена въ Нѣмецкой слободѣ, да арифметическія и геометрическія школы при Адмиралтейской конторѣ, переведенной изъ Кремля на Сухареву башню.

Въ запискахъ «артиллеріи маіора М. В. Данилова», изданныхъ П. М. Строевымъ въ 1842 году, упоминается объ артиллерійскихъ школахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Но это были, вѣроятно, пріготовительныя школы при полкахъ, какъ можно судить изъ словъ Данилова: «По вступленіи моемъ въ школу (въ 1737 г.) учился я вмѣстѣ съ братомъ; жили мы у свойственника «своего Милославскаго, котораго дворъ былъ близъ Каменнаго моста (недавно съ величайшими усиліями и пожертвованіями, къ прискорбію археологовъ, сломаннаго) Мы хаживали съ братомъ «на полковой артиллерійской дворъ, близъ Сухаревой башни.» — Гдѣ была Артиллерійская школа въ Петербургѣ, Даниловъ не упомянулъ; а вотъ что онъ сказалъ, при переводѣ его изъ Москвы. .. «Опредѣленъ я прямо въ первый классъ въ Чертежную школу. Въ оной тогда было «три класса; въ каждомъ положено по 10-ти учениковъ изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей; жалованье было опредѣлено: въ 3-мъ классѣ по 12, во 2-мъ по 18, въ 1-мъ по 24 р. «въ годъ; да въ тойже школѣ было на казенномъ содержаніи изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, 60 человекъ. Изъ чертежныхъ учениковъ выпускали въ артиллерійскую службу, изъ коихъ нынѣ въ генералъ-поручикахъ и генералъ-маіорахъ, а нѣкоторые и «кавалеры есть; а изъ пушкарскихъ дѣтей выпускали въ мастеровые, въ писари полковые и «канцелярскіе.» Далѣе Даниловъ говоритъ: «Надъ оною школою былъ директоръ капитанъ Гинтеръ, человекъ прилежный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю «артиллерію привелъ въ хорошую препорцію.... Фелдхейстеромъ былъ князь Гессенгомбургскій.» При выпускѣ изъ школы въ 1743, Даниловъ «командированъ былъ на заводы Сестербека «для рисованія вензелей и литеръ на тесакахъ, которые готовились для корпуса лейбъ-компаніи.» По возвращеніи жъ его «съ Сестербека, взять былъ въ Герольдію, для рисованья дворянскихъ гербовъ на лейбъ-компанцевъ....»

Въ IV тетради «Русской Старины» 1848 г., изданія Мартынова, П. М. Снегиревъ, при описаніи рисунка Сухаревой башни, привелъ много любопытныхъ свѣдѣній для любителей историческихъ и народныхъ преданій.—*Памятникъ* вѣрности Царскому Дому Л. П. Сухарева и его (2-го стрѣльцкаго) полка во время крамолы стрѣльцовъ, изступленія раскольниковъ и козней царевны Софіи; *колыбель* математическихъ у насъ наукъ, астрономическихъ обсерваторій, химическихъ лабораторій, морскаго флота; *арена* битвы на шпагахъ и сабляхъ (фехтованія) и искусства сценическаго; *источникъ* толковъ и гаданій въ простонародьѣ о чернокужики, о тарабар-